

The theoretical-methodological basis for constituting of the theory of organizational culture in works of C. Barnard, M. Weber, and E. Mayo is defined. The main foreign and Belarusian researchers who contributed to the study of this issue are considered. The three-level structure of organizational culture proposed by E. Shein is presented. Functions of organizational culture are emphasized. The organizational culture of scientific institution is considered as a system of values, norms and traditions that exist (dominate) in a scientific institution and determine the organizational behavior of its members. The influence of organizational culture on the building of career by young scientists by means of mechanisms of adaptation, integration, and motivation functions as well as within career advancement mechanisms characteristic for specific scientific organizations is determined. The main results of the sociological research "Career of a young scientist in academic science as an object of sociological analysis and management" conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in April 2017. The aim of the study was to determine the role of organizational culture in the process of building a scientific career of young scientists. The organizational culture of scientific institutions constitutes a separate type, and is formed, as a rule, involuntarily, with minimal participation of management in its formation. The culture of scientific institutions is a combination of various elements formed under the passive influence of members of these organizations and the objective conditions of the activities of scientific organizations that do not depend on their management and employees, which determines its syncretic character. Significant role in the development of this type of organizational culture traditionally belongs to trade unions.

Keywords: culture, scientific organization, organizational culture, career, young scientists.

References

- Asaul A. N., Asaul M. A., Yerofeyev P. Y., Yerofeyev M. P. (2006) *Kultura organizatsii: problemy formirovaniya i upravleniya* [Culture of organization: problems of forming and managing]. SPb.: Gumanistika. 216 s. (in Russian)
- Groshev I. V., Yemelyanov P. V., Yuryev V. M. (2004) *Organizatsionnaya kultura* [Organizational culture]. M.: Yuniti-Dana. 288 s. (in Russian)
- Kobyak O. V. (2003) *Organizatsionnaya kultura* [Organizational culture] // *Sotsiologiya: entsiklopediya* [Sociology: encyclopedia] / sost. A. A. Gritsanov. Minsk: Interpresservis. S. 689–690. (in Russian)
- Kobyak O. V. (2003) *Organizatsionnoye povedeniye* [Organizational behavior] // *Sotsiologiya: entsiklopediya* [Sociology: encyclopedia] / sost. A. A. Gritsanov. Minsk: Interpresservis. S. 690–691. (in Russian)
- Popova Y. P. (2002) *Sotsiologiya organizatsiy: nekotoryye aspekty stanovleniya i sovremennaya problematika: uchebnoye posobiye* [Sociology of organizations: some aspects of forming and modern problems: textbook]. Volgograd: Izdatelstvo VolGU. 68 s. (in Russian)
- Polozheniye o Sovete molodykh uchenykh Natsionalnoy akademii nauk Belarusi ot 18.07.2013 № 16 [Regulations on the Council of Young Scientists of the National Academy of Sciences of Belarus from 18.07.2013 № 16] [electronic resource] // *Sovet molodykh uchenykh Natsionalnoy akademii nauk Belarusi*. URL: <http://smu-nanb.by/?q=polozhenie-o-sovetakh-molodykh-uchenykh-v-nan-belarusi> (date of access: 12.10.2017). (in Russian)
- Steklova O. Y. (2007) *Organizatsionnaya kultura: uchebnoye posobiye* [Organizational culture: textbook]. Ulyanovsk: UIGTU. 127 s. (in Russian)
- Shein E. (2013) *Organizatsionnaya kultura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. SPb.: Piter. 352 s. (in Russian)

ДИМОВА ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА

студентка 3-го курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия; e-mail: vsdimova@edu.hse.ru

ЛЯГУШКИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

студентка 3-го курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия; e-mail: dalyagushkina@edu.hse.ru

УДК 316.446

DOI: 10.24411/2079–0910–2018–00008

Новое понимание мобильности в контексте зарядных практик¹

Из-за использования приложений, значительно снижающих заряд батареи, время, которое телефон способен держать зарядку, уменьшается. Люди постоянно сталкиваются с одной и той же проблемой — мобильные телефоны нужно подзаряжать более одного раза в день [Ferreira, Dey, Kostakos, 2011]. Зарядные практики проникают в нашу повседневную жизнь, влияют на наши планы и, конечно, трансформируют каким-то образом ежедневную мобильность, поскольку нам часто приходится искать места, где будет возможна подзарядка гаджета. В исследовании необходимо было понять, как телефон с его непостоянной возможностью выхода в Сеть и ограниченным зарядом батареи влияет на перемещения пользователя. Концепции новой парадигмы мобильности Дж. Урри, взятая за теоретическую основу работы, позволили нам это осуществить.

Мы используем количественный метод онлайн-опроса, чтобы описать зарядные практики, связанные с решением проблемы ограниченных возможностей телефона, и их влияние на мобильность. В работе представлены типологии пользователей по способам уменьшения скорости разрядки телефона, а также индекс мобильности, который выражает связь зарядных практик и мобильности пользователя.

Ключевые слова: мобильность, иммобильность, режимы мобильности, зарядные устройства, зарядные практики, мобильные телефоны, Урри.

Мобильные телефоны больше не делают нас мобильными

Мы не замечаем, сколько времени и сил тратим на то, чтобы перед сном удостовериться, что все зарядные устройства подключены к розетке, что процесс зарядки начался или успешно закончился. Часто ли мы просим у знакомых зарядку

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 17-78-20164) «Социотехнические барьеры внедрения и использования информационных технологий в современной России: социологический анализ».

от iPhone? Вызывает ли у нас беспокойство ситуация, когда уровень заряда нашего мобильного телефона доходит до 30 %? Можем ли мы выйти на улицу с таким низким уровнем батареи? Как часто мы выбираем столик, заходя в кафе, по принципу «ближе к розетке»? Нужны ли нам зарядные пункты на станциях метро, в аэропортах, на остановках или в торговых центрах? Сегодня у многих людей в сумках или портфелях мы можем обнаружить переносное или сетевое зарядное устройство. Это свидетельствует о том, что часто полной зарядки телефона не хватает на целый день, поэтому люди вынуждены заряжать его в течение дня. По сути, провода и подключенные к розетке зарядные устройства не только подпитывают наши гаджеты, но и делают возможной нашу полноценную социальную жизнь.

Парадокс, который нас заинтересовал в начале исследования, заключается в том, что мобильные телефоны были созданы для повышения мобильности людей, однако зачастую использование телефона требует заботы и ухода, что препятствует перемещениям. Мобильные телефоны, как наиболее распространенные переносные гаджеты, при постоянном использовании Интернета и всевозможных приложений очень быстро разряжаются и заставляют людей искать способы их подзарядки. Часто эти способы связаны с поиском специальных точек доступа к подзарядке, которые являются частью имобильной инфраструктуры [Sheller, Urry]. Когда человек находит место, в котором он может осуществить подзарядку своего гаджета, он не торопится с ним расстаться. В каком-то смысле он зависит от этого места, поэтому вынужден на некоторое время «прикрепиться» к нему. Существование подобной зависимости перемещений человека от степени заряженности телефона подталкивает нас к рассмотрению зарядных практик в контексте изменений мобильности индивидов.

Новая парадигма мобильности

Перед тем как перейти непосредственно к режимам мобильности, следует остановиться на том, почему в качестве теоретической основы нами были выбраны концепции именно новой парадигмы мобильности (далее — НПМ), которую предложили Дж. Урри и М. Шеллер. Главная отличительная черта НПМ состоит в том, что исследователи уделяют внимание изучению феномена сосуществования физической и виртуальной мобильности, чего, по мнению Дж. Урри, не охватывала социология вплоть до середины 2000-х [Урри, Шеллер, 2006, с. 208]. По сравнению с НПМ, в предшествующих подходах виртуальная мобильность в контексте физической не находила теоретического отклика. С развитием и распространением электронных гаджетов, их взаимосвязи стало уделяться отдельное внимание в рамках НПМ, поэтому нам важно обозначить основные аспекты новой парадигмы, что позволит рассматривать телефон не только как средство постоянной связи, но и как инструмент мобильности. Отсюда, наиболее значимые тезисы НПМ сводятся к следующим важным пунктам.

Систематичность. Необходимо брать во внимание систематические передвижения индивидов в течение дня. Система мобильностей, в которую входят систематические передвижения, — это совокупность мобильностей, позволяющих «повторить движение предсказуемым образом» [Урри, 2012, с. 83].

Инфраструктура. По мнению Дж. Урри и М. Шеллер, свободное, безграничное движение способствует созданию новых границ, новых зон подключения и централизации [Sheller, Urry, 2006, с. 210]. Таким образом, наиболее значимым тезисом нового подхода к изучению мобильности является суждение о том, что любые мобильности требуют создания инфраструктуры имобильности [там же, с. 219].

Прерывистость. С точки зрения НПМ, мобильность не является чем-то однородным, она прерывиста, однако всегда включает в себя «гладкие коридоры» движения (“smooth corridors”) [там же, с. 213]. Это означает, что существуют пространства, например, пешеходные переходы или эскалаторы, где нет узлов мобильности — имобильных «дыр», а значит, нет и препятствий для непрерывного протекания движения индивида.

Масштаб. В НПМ важность приобретают именно пространственные, географические перемещения. В отличие от прежних подходов к изучению мобильности, в НПМ важны перемещения любого масштаба, как существенные, территориально более ощутимыми — миграция, путешествия на поездах и самолетах, поездки за город, так и довольно «простые» — перемещение внутри здания, танец, поход в магазин через дорогу [Haddington, 2013, с. 2].

Процесс. Новая мобильность не рассматривается просто через конкретный результат перемещения — из пункта А в пункт Б. Во внимание берется все, что происходит в процессе такого действия [Haddington, Mondala, Neville, 2013, с. 2]. Это и взаимодействия с предметами, например зарядными устройствами, и взаимодействия с окружающим пространством — остановки в узлах мобильности и их преодоление, и взаимодействие с другими индивидами.

Подвижность. Помимо фактически совершаемых перемещений важно учитывать потенциальную возможность, которую имеет индивид в рамках передвижений — подвижность (motility) [Kaufmann, 2002]. Подвижность является скрытым капиталом, который позволяет дифференцировать людей с точки зрения мобильных действий, которые они теоретически могли бы осуществить, определяя границы допустимых сценариев перемещения.

Инструменты. Для осуществления мобильности необходимо много вспомогательных инструментов (например, электронное расписание, высвечивающиеся табло, веб-сайты и т. д.). Чтобы расширить любую сеть мобильности необходимо увеличить количество инструментов, помогающих осуществлять данную мобильность. Само увеличение инструментов приводит к их типизации, поскольку инструменты должны каким-то образом подходить друг к другу. Подобный эффект достигается стандартизацией инструментов: например, зарядные устройства (в частности, USB-провод) большинства мобильных телефонов относительно недавно стали иметь одинаковый разъем.

Обустройство. Дж. Урри и М. Шеллер также акцентируют внимание на том, что время, которое индивид проводит в пути, совершая некую физическую мобильность (“transit” time), часто становится для индивидов «проживаемым/обустроенным» временем (“dwell” time) [Sheller, Urry, 2006, с. 219]. К примеру, поездка в метро зачастую не воспринимается только как способ добраться из одного пункта в другой. Время в пути проживается: люди читают, общаются в социальных сетях, играют на телефоне и т. д. Процесс двеллинга не всегда привязан к определенному фиксированному месту жительства, он представляет скорее специфический способ восприятия происходящего, который выражается в конкретных

практиках обустройства пространства под комфортное «проживание». Поскольку темп современного мира позволяет нам, а порой даже заставляет, быть сразу в нескольких социальных взаимодействиях и виртуальных пространствах одновременно, происходит трансформация представлений о том, какие действия традиционно должны быть локализованы дома. Утренний туалет все еще не выходит за рамки «домашнего», однако прием пищи, например, уже давно покинул границы жилищ. Обыденные действия нередко оказываются в публичном пространстве: игры в приставку, зарядка гаджетов, приготовление пищи и даже сон. Седентаристский подход принимает укорененность, закрепление в одном месте за норму, но укорененность в принципе перестает существовать в чистом виде, так как зависит она уже не от конкретного места, а от набора рутинных практик [Rapport, Dawson, 1998, с. 27]. Таким образом, формируется новый взгляд на «место» не как на объединяющее физическое пространство, но как на населенную вторгающимися индивидами территорию, где осуществляются привычные интеракции [Бредникова, Ткач, 2010]. Люди и вещи начинают существовать не в «месте», а в «делах» и действиях, а нечто домашнее — это отныне динамический, мультилокальный, текучий процесс [там же]. Что же касается двеллинга как обустройства пространства — это как раз и есть те обыденные домашние дела, которые индивиды склонны под обстоятельствами или собственными желаниями выносить в публичное пространство.

В целом НПМ смещает акценты с изучения статичных структур общества на динамичные процессы, добавляя «движение» в их изучение и определяя систематичность в качестве важного признака. Многочисленные мобильности индивида, взаимодействия во время мобильности и способы перемещений складываются в систему, которая позволяет повторять действия одинаковым, привычным образом. Также оспариваются существующие теории оседлости, исходя из перенесенных теоретических акцентов на стремление к постоянному движению, которое, однако, не может происходить непрерывно. По логике из этого вытекает обращение не только к мобильным, но и имобильным инфраструктурам, которым отводится практически ключевая роль в отличие от старых подходов.

Основные тезисы новой парадигмы мобильности подводят нас к тому, что мобильность должна раскрываться через описание работы и переключения переходных состояний, которые обеспечивают ее разноплановое протекание. Основные состояния, в которых с помощью вспомогательных инструментов поддерживается мобильность, мы называем *режимами мобильности*, являющимися результатом сосуществования физической и виртуальной мобильности. В следующих параграфах описываются основные режимы мобильности, которые мы выделяем в нашей работе.

Режимы мобильности

Главным тезисом теоретической модели исследования является суждение, что мобильность в принципе не может существовать без какой-либо структуры имобильности, причем сетевые зарядные устройства являются ее инструментом. Помимо прочих составляющих инфраструктуры мобильности, зарядные устройства,

как часть имобильной системы, меняют мобильность своих пользователей на «мерцающую», неоднородную, состоящую из переключений от одного режима к другому. Режимы мобильности в рамках предложенной концепции можно сравнивать по двум критериям: совершение непосредственных физических перемещений и виртуальная подключенность — доступ к звонкам, SMS, мобильному интернету, Wi-Fi и т. д. Однако доступ в беспроводные системы нуждается в поддержании работоспособности устройства, с которого осуществляется подсоединение. Отсюда подключенность требует также доступа к ненулевому проценту заряда батареи и важна в том плане, что, как и передвижения, осуществляет переходы от режима к режиму.

Теперь перейдем к описанию режимов мобильности, которые мы выделили через соотношение вышеописанных критериев перемещения и подключенности.

Режим номады — это состояние пользователя, которому удается сохранять подвижность и иметь доступ к виртуальным ресурсам, предоставляемым при помощи беспроводных систем. Состояние, характеризующееся подключенностью к виртуальным средам (звонки, Интернет и т. д.) и возможностью совершения физических перемещений, то есть абсолютной мобильностью. Примером такого состояния могут выступить туристы Урри [2012], исследующие новый город, постоянно перемещающиеся по нему с помощью навигационных беспроводных систем, ловцы покемонов и бизнесмены, спешащие на встречу. В этом смысле туриста, ловца покемонов, бизнесмена и в целом любого в состоянии номады можно назвать «кочевниками» в городской среде, где им приходится существовать при помощи беспроводных систем, взаимодействуя при этом с традиционными ресурсами (инфраструктурой, которая не может действовать в беспроводном пространстве) [Митчелл, 2012, с. 54]. Кочевники скитаются от оазисов виртуального доступа к оазисам, взаимодействуя по пути с пространством и средой. Американский теоретик архитектуры и дизайна У. Митчелл называет такой способ выстраивания отношений с инфраструктурой пост-кочевничеством.

Режим транзита — состояние пользователя, который находится в «гладком коридоре» и может совершать только физические перемещения, не имея при этом доступа к каким-либо виртуальным ресурсам.

Режим двеллинга — состояние, в котором происходит обустройство мест, тел и инфраструктурных инструментов с целью увеличить вероятность удачного выполнения действий по возвращению в режим номады. Данный режим подразумевает зависимость пользователя от какого-либо типа подключенности, ради поддержания которой он вынужден ограничить собственную физическую мобильность. Иллюстрацией этого режима может служить подзарядка мобильного телефона вне дома, в кафе и других общественных местах.

Ниже представлена таблица, в которой мы соотносим выделенные режимы мобильности.

Важно отметить, что состояние полной имобильности в действительности практически невозможно. На практике мобильность выражается в мерцающих состояниях, когда возникают «угрозы» утраты подвижности или подключенности. Пользователи преимущественно находятся в трех состояниях (номада, двеллинг, транзит), каждое из которых постоянно сменяется другими, поэтому и говорить мы будем преимущественно только о трех режимах.

Таблица 1

Режимы мобильности

		Физические перемещения	
		—	+
Подключенность	—	Тотальная/Абсолютная иммобильность	Транзит (transit time)
	+	Двеллинг (dwell time)	Режим номады

Практики контроля мерцающих состояний

В контексте постоянных переходов между режимами мобильности принципиальное значение обретают способы, с помощью которых пользователи обеспечивают смену режимов или препятствуют ей. В нашей работе будет сделан акцент на рассмотрении зарядных практик пользователей, которые связаны с управлением уровнем зарядки мобильных устройств, тем самым с попыткой поддержания состояния номады и вынужденным пребыванием в состоянии двеллинга. В практики взаимодействия пользователя с зарядным устройством входит не только сама подзарядка телефона, но и способы уменьшения скорости его разрядки. Андреас Реквиц отмечает, что первостепенную значимость в изучении практик обретает не поиск причин и осмысленных целей действия, а «рутинизированные способы поведения» [Волков, Хархордин, 2008, с. 32]. Поведение это состоит из нескольких форм: «форм телесных действий, форм ментальных действий, вещей и их использования, а также фонового знания...» [там же, с. 32]. Например, практика использования авиарежима для меньшей разрядки гаджета содержит в себе все перечисленные формы. Форму ментального действия: осознания разрядки гаджета и/или проговаривания себе или другому факта этой разрядки («Я сам(а) тебе позвоню, а то включаю авиарежим — телефон садится»). В этом смысле перформативный язык выступает определением ситуации и одновременным ее конструированием для себя и другого [там же, с. 14]. В случае с «зарядными» действиями, в повседневной жизни мы чаще склонны использовать именно перформативный язык, объясняющий наши действия с объектами: когда просим одолжить устройство, сообщаем о том, что телефон «сейчас сядет» или что мы собираемся его зарядить. С его помощью может также происходить и смена режимов. Например, фраза «Я сам(а) тебе позвоню, а то включаю авиарежим — телефон садится», сказанная на ходу, конструирует ситуацию перехода из режима номады в транзит. Перформативность связывает практики и методы, помогающие пользователям достичь цели, тем самым обнажая метод из конкретной устоявшейся практики через язык, произнесение и определение действия вслух.

Форма телесного действия выражается в доведенных до автоматизма микро-движениях пальцами по экрану, а вещь и ее использование в данном случае — непосредственно разряженный гаджет и направленные на него манипуляции со «сберегательными» режимами. Фоновым знанием будет выступать знание о практике и о том, как успешно ее осуществить в каждой конкретной ситуации — например, иногда «выгоднее» включить авиарежим для предотвращения разрядки, но подключенность настолько важна, что приоритет может перейти к простому уменьшению яркости экрана. У пользователя всегда существует необходимость знать больше, чтобы наверняка сберечь уровень заряда. В идеальной ситуации ему удастся максимально сохранить заряд, не выпадая из подключенности. Когда пользователи, ориентируясь на фоновые знания, осуществляют практику, она сама может становиться фоновой и определять контекст ситуации.

Допустим, все пользователи понимают, что включение авиарежима «выкидывает» их из виртуальных систем, но экономит при этом некоторый процент заряда. Тогда при знании о разряжающемся гаджете другого (а знание об этом выстраивается через перформативный язык) не возникнет беспокойства по поводу недоступности абонента — другого — в сети. Допущение о таком же знании другого о практике помогает не допустить коммуникационный сбой. Это соединение действия (активации авиарежима) и способа его вербального определения задает практику как некий фон, на котором происходит остальная деятельность. Причем фон не в чистом виде, поскольку практики сами по себе создаются и воспроизводятся только в конкретном контексте, и в этом смысле практика отражает определенное умение индивида что-либо выполнять. Так фоновая практика задает контекст ситуации, в котором одному пользователю не стоит переживать за безопасность другого. Также, становясь фоном, практика может обуславливать действия пользователя, происходящие параллельно. Например, активация авиарежима может вести к просмотру фотогалереи или прослушиванию музыки, так как выход в сеть невозможен.

Зарядные практики в контексте режимов мобильности

Теперь перейдем к рассмотрению связи между зарядными практиками и каждым из режимов мобильности. Заранее важно отметить, что оперирование «сберегательными» режимами всегда влияет на переходы между состояниями, однако технически не все режимы достоверно снижают скорость разрядки гаджета. Часто пользователи рационализируют практику таким результатом, но на деле не имеют должного представления о ее функциональности. Любая практика может претендовать на то, чтобы быть функциональной, но до тех пор пока пользователь не выступает в качестве эксперта с достаточными знаниями о технических составляющих телефона, говорить о том, что изобретенная практика по-настоящему функциональна — нельзя. Поэтому сберегательными мы будем называть все существующие режимы — способы манипуляций с зарядом, которые включают как те, что сработают на самом деле (встроенные производителями функции режимов энергосбережения), так и те, которые представляются пользователям как таковые.

Номада. Когда индивид покидает территорию оседлости, почти всегда «зарядившийся» подключенностью и готовый к перемещениям, он может совершать как

виртуальную, так и физическую мобильность. Разряженный гаджет в этом контексте более не позволит пользователю кочевать в инфраструктурах. Отсюда часто возникает проблема выбора — что важнее: переместиться в пункт Б или остаться «на связи»? Пользователь, ценящий состояние номады, будет осуществлять как можно больше практик уменьшения скорости потери заряда — сохранять подключенность, не допуская перехода в другой режим мобильности. Это означает осуществление практик, связанных с «энергосберегательными» режимами, которые не включают в себя манипуляции с выходом в Сеть и сотовой связью, так как они переключают номаду на режим транзита.

Однако, как было обозначено ранее, состояние номады, как и любое другое — мерцающее, а значит подвергается опасности завершиться и в любой момент перейти в следующее. При надвигающемся моменте перехода, стремящийся к режиму номады пользователь склонен выбирать двеллинг вместо транзита — то есть не обязательно отрицает закрепление на месте для подзарядки, и обязательно пользуется «сберегательными» режимами — так как транзит может обеспечить лишь своевременное перемещение без потенциальной возможности «быть на связи», в то время как двеллинг обеспечивает будущую подключенность.

Двеллинг. Несмотря на то что двеллинг в контексте зарядных устройств претендует на то, чтобы оставаться «спокойным», «сидячим» одомашниванием пространства, с технологическими усовершенствованиями средств мобильности и условиями их эксплуатации, индивид может заниматься отвлеченными от передвижения делами, находясь непосредственно в движении. Главная особенность режима заключается в работе индивида со своим временем. Нагрузка времени передвижения дополнительными рутинными действиями указывает на трансформацию простого передвижения в «обжитое» времяпровождения. В том числе традиционно локализованная дома работа получила возможность осуществляться в публичном пространстве благодаря распространению портативных зарядных устройств и пунктов подзарядки в общественных местах, которые могут выручить в случае нависшей угрозы разрядки. Большие карманы на рубашках спереди, по наблюдениям, часто используются игроками «Pokemon Go» и других подобных игр для переносной зарядки, что заменяет практику подзарядки «из рюкзака» с последующим перетиранием USB-провода. Это позволяет удобно заряжать гаджет и одновременно пользоваться им на ходу, не причиняя материальный вред устройству. Изобретение, развитие и популярность переносных зарядных устройств в совокупности с индивидуальными практиками пользователей по превращению своего тела и вещей в инфраструктуру способствуют более высокому темпу двеллинга. В какой-то момент пользователям стало не обязательным оставаться дома, чтобы совершить действие, поскольку городская инфраструктура обеспечила их новыми возможностями. Сейчас им не нужно в этой инфраструктуре даже останавливаться, так как они становятся ее частью. И в этом смысле двеллинг все чаще происходит в режиме транзита.

Но также это не означает, что процесс двеллинга все еще не может укореняться и быть неподвижным. Желание пользователя не быть отключенным, оторванным от виртуальных систем в совокупности с отсутствием какой-либо возможности подзарядиться на ходу создает единственную доступную опцию оседлого двеллинга. В этой ситуации для приверженцев номады распространены практики вынужденных остановок в кафе или на общественных зарядных стойках в парках, метро и остановках наземного транспорта. Возьмем аэропорт в качестве примера

для режима номады (Фото 1), как вынужденную остановку в инфраструктуре иммобильности для совершения перемещения: зачастую специальных зарядных пунктов не хватает на всех, а обычные розетки не предназначены для посетительского использования — они расположены в труднодоступных местах и не предусматривают рядом сидячих мест. Отлично видно, что заряжая гаджет в инфраструктуре иммобильности, пользователь обустраивается под нее, одомашнивая среду посредством себя (позами) и собственных вещей.

Фото 1. Розетка в аэропорту

Менее распространена практика одалживания зарядного устройства у незнакомого человека, и осуществляется она только в момент физической иммобильности, когда пользователь не намерен кочевать, но решает использовать подвернувшуюся возможность потенциального перехода к режиму номады.

Транзит. Пожалуй, самый мерцающий режим мобильности для не попавших в двеллинг (ценящих состояние номады) и «не признающих» его (стремящихся к транзиту). Возвращаясь к практике одалживания, можно предположить, что именно она станет присущей ценителям транзитного режима. Это пользователи, которые не имеют собственного зарядного устройства с собой на случай разрядки гаджета, те, кто забрал в узел мобильности с осознанием, что последующее перемещение все равно произойдет: будет доступ к подключенности или нет. В этом смысле старающиеся пребывать в транзите — приверженцы идеи о постоянном перемещении, которые не склонны искать «оазисы» для восстановления уровня заряда батареи. Они существуют в инфраструктуре в таком виде, в каком она позволяет им существовать, перемещают свои тела в традиционной инфраструктуре без помощи беспроводных систем, что и делает их менее зависимыми от них. И если на пути возникает «оазис» виртуального насыщения, они могут сполна подкрепить силы, если вообще предпочтут им воспользоваться. Поэтому те, кто стремится к транзиту, могут не прибегать ни к каким манипуляциям с гаджетом при потере заряда.

Резюме. Так как режим номады хоть и означает абсолютную мобильность, от «мерцания» он, так же как и другие, не застрахован. В случае, когда потеря

подключенности в этом режиме неизбежна, ценящий номаду пользователь скорее «перескочит» наступающий транзит с помощью двеллинга для дальнейшего существования в своем режиме абсолютной мобильности. Выходит, двеллинг — вынужденное состояние, заменяющее номаду и опциональное состояние переключения транзита. Стремящимся в режим номады всегда выгоднее «кочевать» полноценно и беспрепятственно во всех существующих системах, однако ценящих транзитный режим беспроводные ресурсы не волнуют, что означает безразличие к состоянию номады. А значит номада — идеальное состояние «кочующих» и, как следствие двеллинга, такая же опциональная замена транзита. Исходя из вышеизложенного, транзит — «провальное» состояние номады и идеальное состояние желающих только перемещаться.

Методология

Для проверки теоретических предположений, мы провели разведывательное исследование с помощью онлайн-опроса, который позволил облегчить поиск респондентов, тесно связанных с темой работы: людей, активно пользующихся мобильным телефоном и людей, испытывающих проблему нехватки заряда на целый день. Сбор данных производился в тематических группах по продаже переносных зарядных устройств и в новостной ленте социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook, позволяющих получить доступ как к молодому, так и к более взрослому поколению пользователей. Ключевые параметры выборки составили возраст, пол, и тип операционной системы телефона. Вместе с этим, опрос был направлен на москвичей, как жителей города с плотной занятостью и мобильной информативностью, которая дает возможность практически без затруднений осуществлять передвижения и воспроизводить высокую мобильность.

В итоговую выборку попало 474 респондента, среди которых московские старшеклассники, студенты, а также потребители товаров и услуг, связанных с зарядными устройствами. Задачами эмпирической части исследования было описание ключевых зарядных практик, непосредственно связанных с зарядным устройством и процессом подзарядки, выявление тех из них, которые каким-то образом влияют на мобильность индивидов и составление типологии пользователей по тем зарядным практикам, которые направлены на манипулирование скоростью разрядки гаджета. В анализе данных были использованы параметрические и непараметрические методы сравнения средних, линейная регрессия, коэффициенты корреляции Спирмена и Пирсона и иерархических кластерный анализ.

Результаты

Портрет респондента

В опросе участвовало 474 человека, из них 34% (161) мужчин и 66% (313) женщин. Возраст 75% всей выборки не превышает 23 года, при этом средний возраст составил 22 года (медиана равна 19), что говорит о смещении распределения в сторону более юного возраста (рис. 1).

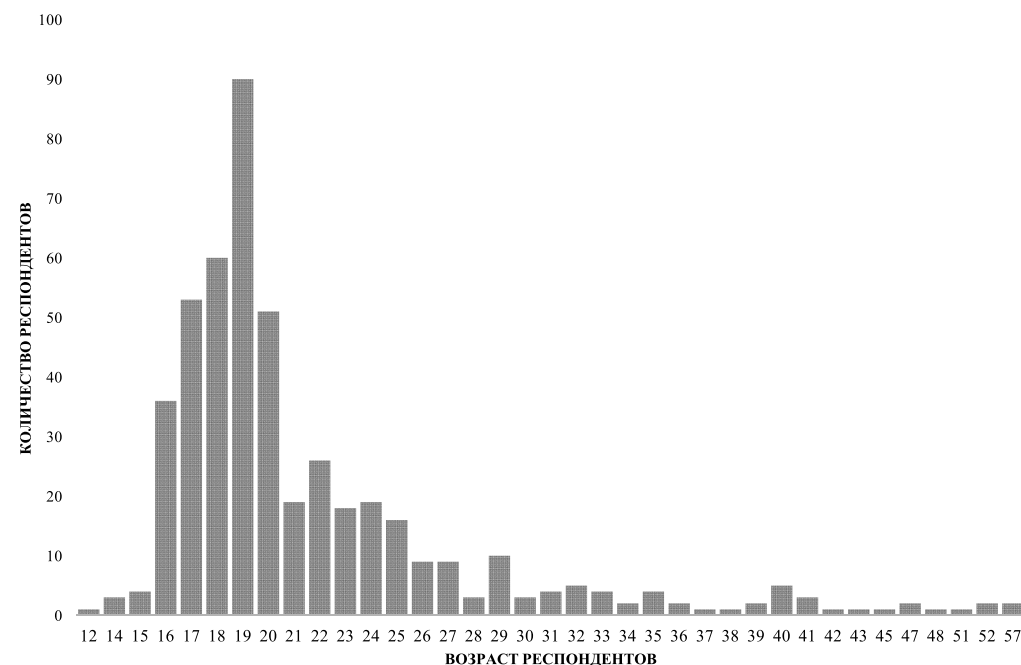

Рис. 1. Диаграмма линейного распределения выборки по возрасту

Для исследования также важной характеристикой является бренд телефона, которым пользуется респондент: у 54% (255 человек) телефон фирмы Apple, остальные 46% (219) имеют телефоны других брендов (рис. 2). Наиболее популярной маркой мобильного телефона после Apple является Samsung (12%, 55 человек) и Xiaomi (6%, 29 человек).

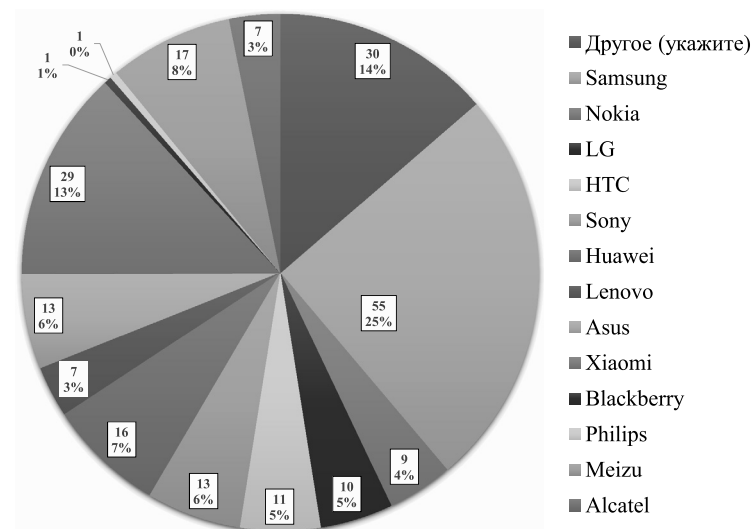

Рис. 2. Диаграмма распределения респондентов по брендам телефонов (без Apple)

Уровень дохода был измерен с помощью вопроса: «Какое из этих утверждений наиболее точно характеризует уровень жизни вашей семьи?». 74 респондента (16 %) не захотели отвечать на данный вопрос. В таблице 2 представлено линейное распределение ответов по данной переменной, можно заметить смещение распределения в сторону более обеспеченных пользователей.

Таблица 2

Линейное распределение ответов на вопрос о доходе

Варианты ответа	Кол-во ответов	% ответивших	% кумулятивный
Денег иногда не хватает на еду	3	1	1
Денег на еду хватает, но иногда не хватает на одежду	31	9	10
Денег хватает на покупку одежды, но на бытовую технику не хватает	57	17	28
Мы можем покупать бытовую технику, но на автомобиль денег не хватает	92	28	56
Мы можем купить автомобиль, но на квартиру денег не хватает	82	25	81
Мы не испытываем материальных проблем	64	19	100
Всего ответивших	329	100	
Пропущенные	145		
Всего опрошенных	474		

Однако мы можем сделать вывод, что в выборке в основном преобладают люди среднего достатка, так медиана и мода составляет 4, что соответствует ответу «Мы можем покупать бытовую технику, но на автомобиль денег не хватает».

Уровень образования. В выборке преобладают студенты и люди с высшим образованием. 100 человек (24 %) ответили, что имеют среднее (полное) общее образование или ниже, что дает основания полагать, что практически четверть выборки составляют школьники (см. табл. 3).

Таблица 3

Частотное распределение ответов по уровню образования

Вариант ответа	Количество ответов	% ответивших
Среднее (полное) общее или ниже	100	24
Среднее профессиональное	18	4
Неполное высшее (еще обучаюсь)	163	38
Высшее (бакалавр, специалист или магистр)	127	30
Ученая степень (кандидат, доктор наук)	18	4

Описание зарядных практик

Тип зарядного устройства. Наиболее распространенной комбинацией типов зарядных устройств, которыми предпочитают пользоваться респонденты, является комбинация сетевого и портативного устройства (доверительный интервал составляет от 23 % до 31 %²). Больше половины опрошенных заряжают свой телефон более чем одним способом (рис. 3).

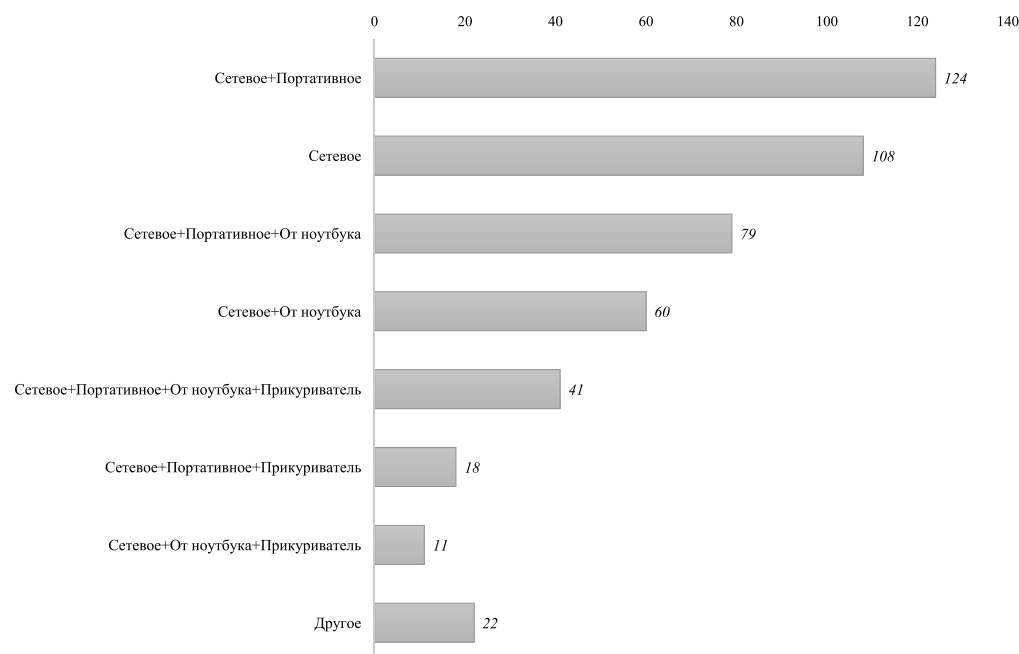

Рис. 3. Диаграмма распределения комбинаций использования разных типов зарядных устройств

Частота подзарядки телефона. Индикатором концепта зарядных практик также является переменная частота подзарядки гаджета. В среднем люди заряжают телефон сетевой зарядкой около полутора раз в сутки, а портативной чуть менее одного раза в сутки. Интересно, что обладателям продукции Apple целого заряда батареи, по их мнению, хватает на меньшее количество времени, чем пользователям других мобильных телефонов³.

Своеобразным индикатором влияния зарядных практик на образ жизни индивида является процент зарядки, при котором индивид начинает беспокоиться о подзарядке своего гаджета. В среднем такой уровень составляет 25,6 %, причем женщины начинают беспокоиться о подзарядке гаджета раньше (на уровне 26,4 %), чем мужчины (23,7 %). Важно отметить, что данная переменная не зависит от бренда телефона и наличия у человека портативного зарядного устройства. Получается,

² Здесь и далее все гипотезы проверяются на уровне доверительной вероятности 0,95.

³ Nonparametric Mann-Whitney Test, mean ranks — 248,67; 188,78.

что наличие паурбанка⁴, благодаря которому индивид может заряжать свой телефон в любое удобное для него время, не уменьшает процент, при котором индивид начинает беспокоиться по поводу зарядки гаджета.

Ношение зарядного устройства. Около 45 % (178) респондентов хотя бы раз в неделю берут сетевое зарядное устройство с собой, в то время как 25 % (101) человек носят сетевую зарядку каждый день. Портативную зарядку носят с собой несколько раз в неделю и чаще 55 % (132) от всех людей, использующих портативные устройства.

Представление о необходимости носить зарядное устройство с собой еще раз показывает зависимость людей от мобильных телефонов, подзарядка которых служит обеспечению их непрерывной работы.

Переходным моментом в практике ношения зарядных устройств служит практика «попрошайничества зарядок». Интересно, что треть респондентов ответили положительно на вопрос о том, просили ли они когда-нибудь зарядное устройство у незнакомого человека.

Бывают ситуации, когда у индивидов есть возможность воспользоваться как сетевой зарядкой, так и портативной. 35 % (80) всех пользователей портативных зарядных устройств отвечают, что в подобных случаях заряжают телефон с помощью портативной зарядки. Подобные пользователи, очевидно, ценят состояние номады и не стремятся переходить в режим двеллинга. Портативное зарядное устройство в принципе изначально предназначено для увеличения времени пребывания в режиме номады. В данном контексте интересно, старается ли индивид как-то сберечь заряд аккумулятора на портативном устройстве. Больше трети респондентов утверждают, что стараются экономить зарядку на портативном устройстве. Это может говорить, во-первых, о желании индивидов увеличить время, проведенное в режиме номады (несколько ограниченных способами экономии), и во-вторых, о нежелании делить ни с кем заряд портативного устройства.

Принципы подзарядки мобильных телефонов. Самым распространенным принципом подзарядки мобильного телефона является принцип «Всегда стараюсь заряжать до 100 %» (см. табл. 4). Данным принципом руководствуются 76 % (322) респондентов. Вторым по частоте является принцип «Не позволяю устройству полностью разряжаться», которым руководствуются 38 % (161) пользователей. Распространенное использование данного принципа может говорить о том, что индивиды стараются исключить возможности потери подключенности. Можно предположить, что выбор принципа «Стараюсь снимать телефон с зарядки сразу, как он полностью зарядится» говорит о пользователях, которые знакомы с правилами бережного использования аккумулятора, который перегревается, если его долго держать на зарядке. 17 % (72) пользователей также придерживаются принципа «Стараюсь заряжать телефон только после полной разрядки». Этот принцип не является с технической точки зрения полезным для использования батареи⁵, однако может восприниматься индивидами как таковой. Принципы «Заряжаю понемногу, но часто» и «Я заряжаю телефон при любой возможности» говорят о пользователях, которые постоянно

⁴ Портативное (переносное) зарядное устройство.

⁵ How to Prolong Lithium-based Batteries // Battery University URL: http://batteryuniversity.com/index.php/learn/article/how_to_prolong_lithium_based_batteries (дата обращения: 28.09.2017)

находятся в режиме двеллинга и для которых виртуальная мобильность важнее, чем физическая.

Таблица 4

Распределение использования принципов подзарядки телефона

Принцип подзарядки	Кол-во ответивших	% ответивших ⁶
Всегда стараюсь заряжать до 100 %	322	76 %
Не позволяю устройству полностью разряжаться	161	38 %
Стараюсь снимать телефон с зарядки сразу, как он полностью зарядится	110	26 %
Стараюсь заряжать телефон только после полной разрядки	72	17 %
Заряжаю понемногу, но часто	44	10 %
Я заряжаю телефон при любой возможности	31	7 %

Связь зарядных практик и социально-демографических характеристик с мобильностью индивидов

По результатам ответов респондентов по шкале Лайкерта был создан коэффициент, который выражает зависимость мобильности респондента от различных зарядных практик. Например, в списке было суждение «Я не выйду из дома на весь день без зарядного устройства». Шкала согласия с суждением была от -3 до 3. Если респондент совершенно согласен с высказыванием, то это значит, что на его мобильность зарядные практики влияют. Все суждения, которые выражали противоположную логику, были перекодированы. Таким образом, мы просуммировали степень согласия по каждому респонденту и поделили ее на максимально возможную сумму по всем суждениям (18 суждений × 3 = 54 балла). Затем мы перевели сумму в проценты. У нас получился индекс, который выражает зависимость мобильности индивида от зарядных практик. Чем больше данный коэффициент (измеряется от -1 до 1), тем зависимость мобильности индивида от зарядных практик выше. Условно мы назвали этот коэффициент индексом мобильности. Индекс мобильности имеет распределение, приближенное к нормальному, со средним значением 0,023 и стандартным отклонением 0,217.

В рамках исследования необходимо было понять, как зарядные практики влияют на мобильность индивидов. Сам индекс уже отражает это влияние: среднее значение больше нуля и медианное значение коэффициента не ниже 0,0183. Оценить силу влияния в данном случае очень сложно, однако мы можем посмотреть, какие факторы повышают или понижают данный показатель. Далее представлены только те факторы, которые дали значимые результаты на выборке.

Характеристики пола и возраста. Наблюдается слабая, но статистически значимая отрицательная корреляция возраста и индекса мобильности (коэффициент Пирсона

⁶ Вопрос типа Multiple choice, в сумме более 100 %.

–0,15). С возрастом зависимость мобильности от зарядных устройств уменьшается. Помимо возраста, с мобильностью индивидов связан пол. Средний индекс мобильности женщин равен 0,056, в то время как мужчины: –0,046. Получается, что женщины в своих передвижениях больше зависят от зарядных практик, чем мужчины, они чаще подзаряжают телефон сетевым зарядным устройством, которое предполагает прикрепление к определенному месту и изменение положения своего тела.

Тип зарядного устройства. Тип зарядного устройства, которым пользуется индивид, также влияет на индекс мобильности. Значимыми коэффициентами в линейной регрессии оказались дихотомические переменные: использование ноутбука и использование прикуривателя в качестве зарядного устройства. Люди, использующие ноутбук, имеют в среднем индекс мобильности на 0,054 больше, чем люди, не подзаряжающие гаджеты от компьютера. В свою очередь, использование прикуривателя, наоборот, понижает индекс на 0,065. Данную закономерность можно объяснить тем, что люди, которые подзаряжают телефон от прикуривателя, в среднем старше — ведь для существования подобной практики необходимо иметь автомобиль.

Ношение зарядного устройства и мобильность. Существует слабая положительная корреляция (0,249, коэффициент Спирмена) между частотой ношения сетевой зарядки и индексом мобильности. Чем чаще человек носит сетевое зарядное устройство с собой, тем больше влияния на его мобильность оказывают зарядные практики. Важно, что ношение портативной зарядки никак не влияет при этом на индекс мобильности индивидов.

Типология пользователей по зарядным практикам, направленным на уменьшение скорости разрядки мобильного телефона

Концепт зарядных практик включает в себя не только практики, направленные на осуществление процесса подзарядки (например, частота подзарядки в сутки) и на взаимодействие индивида с зарядным устройством (например, частота ношения сетевой зарядки), но и на практики уменьшения скорости разрядки гаджетов. Для построения типологии пользователей по «энергосберегающим приемам», был использован метод иерархического кластерного анализа. В кластерной модели было задействована 21 дихотомическая переменная⁷. В результате кластеризации мы получили 6-кластерную модель (табл. 5).

Кластер 1 «Расточители энергии». В первый кластер входят люди, которые склонны пользоваться только режимом уменьшения яркости экрана и режимом энергосбережения, но при невысоких средних по этим переменным (0,43 и 0,51, соответственно), становится очевидно, что первая группа включает людей, которые

⁷ «Энергосбер. Режим», «Уменьшаю яркость экрана», «Отключаю автояркость», «Включаю авиарежим», «Отключаю Bluetooth», «Отключаю WI-FI», «Включаю “ночной” режим», «Отключаю мобильный Интернет (2G, 3G)», «Закрываю приложения», «Уменьшаю время автоматической блокировки экрана», «Пользуюсь специальными приложениями», «Отключаю синхронизацию с iCloud», «Отключаю GPS, ГЛОНАСС», «Использую виброрежим», «Использую беззвучный режим», «Отключаю звук нажатия на экран, набора номера или блокировки экрана», «Отключаю звук уведомлений», «Отключаю автообновление приложений», «Чищу автозапуск приложений».

склонны ничем не пользоваться. Расточителей энергии не волнует, насколько быстро разрядится их гаджет. Либо использование телефона не является для них чем-то необходимым, либо переход в режим двеллинга их несколько не смущает.

Таблица 5

Сравнение средних значений переменных по кластерам в 6-кластерной модели, z-тест⁸

Прием энергосбережения	Названия кластеров					
	Расточители энергии	Интернет-чики	Любители мест подключения	Скряги	Хамелены	Ленивые айфонщики
Энергосбер. режим	00,51	0,62	0,62	0,85	0,86	0,83
Уменьшаю яркость экрана	0,43	0,83	0,68	0,92	0,93	1,00
Отключаю Автояркость	0,06	0,11	0,21	0,42	0,17	0,22
Включаю Авиарежим	0,20	0,13	0,11	0,34	0,41	0,97
Отключаю Bluetooth	0,02	0,36	0,56	0,81	0,61	0,75
Отключаю Wi-Fi	0,06	0,02	0,94	0,81	0,74	0,83
Включаю «ночной» режима	0,02	0,04	0,07	0,25	0,06	0,06
Отключаю мобильный интернет (2G, 3G)	0,01	0,13	0,21	0,66	0,99	0,28
Закрываю приложения	0,12	0,96	0,69	0,83	0,83	0,39
Уменьшаю время автоматической блокировки экрана	0,02	0,23	0,05	0,23	0,07	0,06
Пользуюсь специальными приложениями	0	0,04	0,02	0,19	0,07	0,03
Отключаю синхронизацию с iCloud	0	0,02	0,08	0,25	0,04	0,03
Отключаю GPS, ГЛОНАСС	0,04	0,40	0,50	0,77	0,37	0,08
Использую виброрежим	0	0,08	0,01	0,51	0	0,11
Использую беззвучный режим	0,01	0,08	0,02	0,70	0,13	0,11
Отключаю звук нажатия на экран, набора номера или блокировки экрана	0	0,06	0,15	0,77	0,02	0
Отключаю звук уведомлений	0	0,06	0,02	0,72	0,05	0
Отключаю автообновление приложений	0	0,09	0,10	0,43	0,02	0,14
Чищу автозапуск приложений	0	0,04	0,01	0,09	0,04	0
Меняю обои экрана	0,01	0,02	0,04	0,21	0	0,03
Выключаю мобильный телефон или стараюсь не пользоваться	0,09	0,15	0,12	0,34	0,18	0,39

Кластер 4 «Скряги». Следующий кластер, который сильно выделяется на фоне остальных, объединяет людей, склонных пользоваться практически всем. Самым важным для данных пользователей является физическая мобильность, ради которой они практически полностью лишают себя подключенности. Создается впечатление, как будто они пребывают постоянно в режиме транзит с возможностью разового использования подключенности. Они держат себя «на жесткой диете», чтобы ни в коем случае не попасть в режим двеллинга.

⁸ Статистически значимые различия между кластерами выделены курсивом. Числа, отмеченные полужирным, являются наиболее значимыми для интерпретации.

Таблица 6

Наполненность и средний возраст по кластерам

Номер кластера	Название кластера	Наполненность кластера	Средний возраст в кластере
1	Расточители энергии	97	24,38
2	Интернетчики	53	21,49
3	Любители мест подключения	84	23,79
4	Скряги	53	20,45
5	Хамелеоны	109	19,53
6	Ленивые айфонщики	36	18,92

Кластер 6 «Ленивые айфонщики». Ленивые айфонщики — это респонденты, которые пользуются стандартными кнопками пункта управления iPhone: уменьшение яркости экрана, включение авиарежима, отключение Wi-Fi, отключение Bluetooth и включение энергосберегающего режима. Энергосберегающий режим — единственное исключение, так как его нет в пункте управления. Однако он часто автоматически предлагается телефоном, когда уровень заряда батареи достигает определенного процента, поэтому интерпретация кластера не должна сильно измениться. В таблице 7 представлена информация о соотношении количества респондентов с телефонами продукции Apple и без нее по найденным кластерам. Как мы видим, кластер ленивых айфонщиков практически полностью состоит из людей с телефонами iPhone. Это еще раз доказывает наше предположение об интерпретации кластера.

Таблица 7

Обладание телефоном продукции Apple (распределение по кластерам)

Варианты ответа		Название кластера					
		Расточители энергии	Интернетчики	Любители мест подключения	Скряги	Хамелеоны	Ленивые айфонщики
У вас телефон продукции Apple?	Нет	47	22	42	33	50	5
	Да	50	31	42	20	59	31
Всего		97	53	84	53	109	36

Если посмотреть внимательно на таблицу, существует некий «стандартный» набор режимов в большинстве кластеров по переменным: включаю режим энергосбережения, уменьшаю яркость экрана, закрываю приложения. Переменные отключаю Bluetooth и отключаю GPS, ГЛОНАСС в еще не рассмотренных кластерах выражены примерно одинаково, что подтверждают и таблицы, проверяющие статистическую значимость различий между средними, именно поэтому мы тоже можем взять данные переменные в стандартный набор.

Кластер 2 «Интернетчики». Интернетчики используют стандартные команды для уменьшения скорости разрядки мобильного телефона. Интересно, что практически никто из данного кластера не отключает ни мобильный Интернет, ни Wi-Fi. Это может говорить о том, что доступ к интернету, который является одним из типов подключенности, очень важен для данных пользователей, и сами так называемые «энергосберегающие приемы» направлены именно на сохранение этого доступа.

Возможно, именно интернетчики наиболее легко расстанутся со своей физической мобильностью, переходя в режим двеллинг (прикрепляются к определенному месту, чтобы подзарядить свой гаджет).

Кластер 3 «Любители мест подключения» и кластер 5 «Хамелеоны». Эти кластеры можно рассматривать вместе, так как по большому счету у них больше сходств, чем различий. Однако эти различия, во-первых, статистически значимы, во-вторых, заставляют задуматься над специфичностью групп респондентов. Начнем с того, что респонденты из данных кластеров используют «стандартный» набор, о котором мы говорили выше. Однако помимо этого набора хамелеоны характеризуются выбором режима — отключаю мобильный Интернет. Важно заметить, что кластер любителей мест подключения, хотя и представляет практически такой же набор практик энергосбережения, что и кластер хамелеонов, имеет средний возраст респондента 23,79 (средний возраст в кластере хамелеонов — 19,53), в основном состоит из людей, которые либо уже получили высшее образование, либо учатся на последних курсах. Возможно, любители мест подключения не используют в принципе мобильный интернет, пользуясь только доступами, которые предоставляет нам городская инфраструктура или, например, место работы. Кластер хамелеонов, в свою очередь, имеет наибольшую наполненность. Хамелеоны могут пожертвовать виртуальной мобильностью, отключив мобильный интернет и доступ к сети Wi-Fi, и использовать стандартный набор режимов, сохранив свою физическую мобильность, не попадая в двеллинг. По ним нельзя сказать, какой режим мобильности им больше свойственен. Складывается ощущение, что у них существуют определенные стратегии использования сберегательных режимов в зависимости ситуации, в которой они находятся. Любители мест подключения не сильно нуждаются в постоянной виртуальной мобильности: мест подключения к Wi-Fi им вполне хватает. Для данных пользователей мерцающая мобильность наиболее характерна.

Заключение

Отправной точкой нашего исследования стало противоречие между функциями и предназначением мобильного телефона — повышать нашу физическую и виртуальную мобильность — и всеми издержками, препятствующими выполнению основной задачи этого гаджета. В ходе работы с теоретическими источниками было выявлено, что мобильный телефон тесно вплетен в инфраструктуру мобильности, являясь одним из ее инструментов. Это означает, что телефон приобретает возможность создавать иммобильные структуры, манипулируя состоянием пользователей. Получается, мобильность в традиционном ее понимании больше не однородна в процессе использования мобильного телефона. Более продуктивно рассматривать мобильность как процесс, который состоит из разных постоянно сменяющихся друг друга режимов. Мы выделяем три режима мобильности, которые пользователи переживают чаще всего: режим номады, двеллинг и транзит. Эти режимы постоянно сменяют друг друга, время пребывания в каждом режиме может варьироваться от мгновения до нескольких дней, поэтому мы обозначаем их как мерцающие. Причина этому — распространение зон подключения к беспроводным ресурсам в традиционной инфраструктуре и переносных устройств для подзарядки. Теперь

пользователи не только «застревают» в узлах мобильности, но и могут «выпадать» из подключенности. Так как рассматриваются не только физические перемещения, но и виртуальная мобильность, обеспеченная телефоном, представления о мобильности как процессе изменяются. Принципиально новыми становятся постоянные переходы из одного мобильного состояния в другое через оперирование телефоном и «сберегательными» режимами. Зарядные практики в контексте режимов мобильности осуществляют эти переходы или помогают дольше сохранить состояния, к которым стремятся пользователи. И в этом смысле добавление подключенности к оси перемещений несет в себе не только «доступ» к чему угодно, но и контроль этого доступа.

На основе эмпирических результатов исследования, проведенного для проверки теоретических положений, возможно сделать некоторые важные выводы. Так, например, среди пользователей действительно весьма распространено оперирование различными сберегательными режимами. Поскольку само использование таких режимов обуславливает переходы из состояний номады, двеллинга и транзита, мы можем непосредственно говорить и о существовании самих режимов мобильности.

Опираясь на теоретическую рамку, сложно говорить о том, что подзарядка телефона является просто подзарядкой. Это проживание (физическое и/или виртуальное) времени с помощью телефона. Однако если здесь сложно понять, лишается ли при этом пользователь возможности перемещаться — ведь заряжать телефон в течение дня можно и через переносное устройство, — то в случае с сетевым зарядным устройством, частота подзарядки которого составляет в среднем 1,5 раза в сутки по результатам исследования, можно утверждать, что имеет место оседлый двеллинг.

Полученные результаты исследования подтверждают важную теоретическую предпосылку: мобильность неоднородна и прерывиста. К тому же, результаты дают возможность понять, как использование телефона изменяет состояния мобильности и как зарядные практики в качестве инструмента перехода из мерцающих состояний обуславливают смену режимов. Нам удалось выяснить, какими зарядными устройствами пользуются индивиды, как часто они подзаряжают свои мобильные телефоны, и как подобные практики влияют на мобильность. Была построена типология пользователей, которая иллюстрирует разнообразие в практиках использования сберегательных режимов.

Так как ограничения количественного метода исследования не позволили до конца понять, как сами пользователи ощущают на себе смену режимов мобильности, в дальнейшем предполагается интервьюирование пользователей, которое позволило бы проследить процесс изменения мерцающих состояний и взаимодействие пользователей с окружающим пространством виртуальных и традиционных ресурсов.

Литература

Ferreira D., Dey A. K., and Kostakos V. Understanding Human-smartphone Concerns: A Study of Battery Life // In Proceedings of the 9th International Conference on Pervasive Computing (Pervasive'11). Berlin: Heidelberg, 2011. P. 19–33.

Haddington P., Mondada L., Neville M. Interaction and Mobility: Language and the Body in Motion. 1st. Berlin: de Gruyter, 2013. 430 p.

How to Prolong Lithium-based Batteries // Battery University URL: http://batteryuniversity.com/index.php/learn/article/how_to_prolong_lithium_based_batteries (дата обращения: 28.09.2017).

Kaufmann V. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology. Aldershot: Ashgate, 2002. 120 p.

Rapport N., Dawson. A. Home and Movement: A Polemic. // Migrants of Identity: Perceptions of Home in a World of Movement. 1998. P. 8–16.

Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. № 38, 2006. P. 207–226.

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. 2-е изд. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 292 с.

Митчелл У. Я++. Человек, город, сети. М.: StrelkaPress, 2012. 328 с.

Урри Дж. Мобильности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

The New Understanding of Mobility in terms of Charging Practices⁹

VIKTORIYA S. DIMOVA

3rd year student,
National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russia;
e-mail: vsdimova@edu.hse.ru

DAR'YA A. LYAGUSHKINA

3rd year student,
National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia;
e-mail: dalyagushkina@edu.hse.ru

Abstract: Due to a great number of mobile applications wasting a lot of battery power an ordinary mobile phone becomes discharged faster than ever. Thus, people tend to face the same problem — mobile phones need to be recharged more than once a day [Ferreira, Dey, Kostakos, 2011]. Charging practices invade in our daily routine, impact our plans and, of course, transform our mobility per day as we often have to find places where (re)charging is possible. The aim of our work was to research how mobile phone with its limited battery power and access to the Net influences users' mobility. The concepts of the new mobility paradigm which was taken as theoretical base gave us opportunity to implement this issue.

We use quantitative method of massive online-survey to describe charging practices that influence mobility and battery operating time. The work presents a typology of users based on the ways used to reduce the discharging of cell phone and the index of mobility, which reflects the correlation between charging practices and the users' mobility.

Keywords: mobility, immobility, modes of mobility, charger, charging practices, mobile phones, Urry.

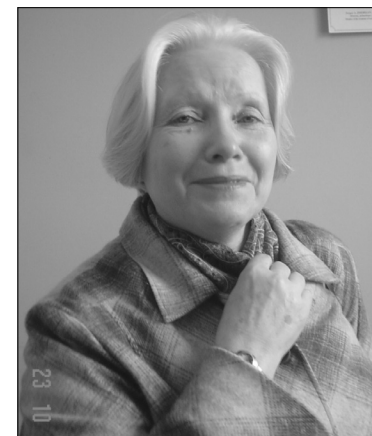
⁹The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF No17-78-20164) “Sociotechnical barriers of the implementation and use of information technologies in Russia: sociological analysis”.

References

- Batteryuniversity.com. (2017). *How to Prolong Lithium-based Batteries — Battery University*. [online] Available at: http://batteryuniversity.com/index.php/learn/article/how_to_prolong_lithium_based_batteries [Accessed 28 Sep. 2017].
- Brednikova O., Tkach O. (2010). Dom dlya nomady. *Laboratorium*, 3. pp. 72–95.
- Ferreira D., Dey A. and Kostakos, V. (2011). Understanding Human-smartphone Concerns: A Study of Battery Life. In: *9th International Conference on Pervasive Computing (Pervasive'11)*. Berlin, pp. 19–33.
- Haddington P., Mondada L. and Nevile M. (2013). Interaction and mobility. 1st ed. Berlin: Walter de Gruyter, p. 430.
- Kaufmann V. (2002). *Re-thinking mobility: Contemporary Sociology*. Aldershot: Ashgate, p. 120.
- Mitchell U. (2012). *Ya++*. *Chelovek, gorod, seti*. M.: StrelkaPress, 328 p.
- Rapport N. and Dawson A. (2017). Home and Movement: A Polemic. In: N. Rapport and A. Dawson. *Migrants of Identity. Perceptions of Home in a World of Movement*. N.Y.: Berg, pp. 8–16.
- Sheller, M. and Urry, J. (2006). The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A*, 38(2), pp. 207–226.
- Urri Dzh. (2012). *Mobil'nosti*. M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa "Praksis", p. 576.
- Volkov V., Kharkhordin O. (2008). *Teoriya praktik*. 2nd. ed. SPb: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, p. 292.

IN MEMORIAM

DOI: 10.24411/2079-0910-2018-00009

*ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА ЛОМОВИЦКАЯ***(21.03.1947–04.04.2018)**

Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН понес тяжелую утрату: 4 апреля 2018 года ушла из жизни Валентина Михайловна Ломовицкая, кандидат философских наук, доцент, ответственный секретарь журнала «Социология науки и технологий».

Валентина Михайловна родилась в семье военнослужащего 21 марта 1947 г. в городе Констанца в Румынии. В 1972 г. окончила философский факультет ЛГУ. Там же в 1976 г. под руководством доктора философских наук, профессора Виктора Александровича Штоффа защитила кандидатскую диссертацию, посвященную научному познанию.

Вся жизнь В. М. Ломовицкой была связана с научной и образовательной деятельностью. С 1975 по 2008 г. Валентина Михайловна работала в Кораблестроительном институте (ЛКИ, потом СПбГМТУ), пройдя путь от ассистента до доцента, не теряя при этом профессиональную связь с alma mater, где преподавала на естественно-научных факультетах. На протяжении более чем трех десятилетий она читала курсы лекций по философии и социологии, которые пользовались большой популярностью у студентов. Под руководством В. М. Ломовицкой были защищены две кандидатских диссертации в области социологии.

Большая часть научной деятельности Валентины Михайловны прошла в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН. В. М. Ломовицкая была участником значимых событий, конституировавших деятельность науковедческого сообщества в Санкт-Петербурге / Ленинграде: в 1970–1980-е гг. принимала участие в заседаниях общегородского семинара секции социологии науки Ленинградского отделения Совета национального объединения